

На правах рукописи

Шевченко Олег Константинович

**«ЯЛТИНСКИЙ МИР» КАК ХРОНОТОП ВЛАСТИ:
ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ БЫТОВАНИЯ**

Специальность 09.00.11 – Социальная философия

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Казань – 2021

Работа выполнена на кафедре социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Научный консультант:

Терещенко Наталья Анатольевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальной философии ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Официальные оппоненты:

Некита Андрей Григорьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социологии ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого»

Коршунова Ольга Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления, истории, социологии ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет»

Корецкая Марина Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и истории науки ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения»

Ведущая организация:

ФГБУН «Институт философии и права Уральского отделения РАН»

Защита диссертации состоится 01 июля 2021 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета КФУ.09.01 при ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»: 420008, Россия, РТ, г. Казань, ул. Кремлевская 35, ауд. 1607.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». Сведения о защите, автореферат и диссертация размещены на официальных сайтах ВАК Министерства науки и высшего образования РФ: <http://vak.ed.gov.ru> и К(П)ФУ: <http://www.kpfu.ru>

Автореферат разослан

«_____» _____ 2021

Ученый секретарь диссертационного совета, кандидат философских наук, доцент

Г.К. Гизатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В первой четверти XXI века сложился плюрализм мнений относительно того, что считать властью. Общепринятой, конвенциальной дефиниции «власть» не существует (ее нет и в рамках английского понятия – рефераента «power»). Мы можем лишь констатировать определенные поля смыслов дискуссий специалистов об этом феномене и регулярно наблюдать весьма значительные признаки его трансформации в диапазоне от антропологии до международных отношений.

На фоне крайне развитых представлений о процессуальности власти и процессе власти как таковой весьма незначительными оказываются результаты освоения специфической формы организации – времени.

В ситуации открытия власти для философского дискурса в процедурах ее логического отделения от политики, управления, насилия рассмотрение топоса и хроноса в отдельности было вполне продуктивным. Они позволяли увидеть власть и выйти на проблему соотнесения реальных процессов с выдвигаемыми дефинициями. Однако в первой четверти XXI века накопленный опыт освоения власти в параллельном или отдельном рассмотрении приводит к колossalному запаздыванию рефлексии. Отчасти это связано с логикой развития самой философии власти, когда старый опыт блокирует корректное рассмотрение новых фактов, а в некоторой степени – с изменившимся миром: цифровизацией, глобализацией и пр. Одними из первых распознали необходимость создания органичной пространственно-временной теории власти А. Кожев и М. Фуко. Однако если Кожевставил целью создание феноменологии и онтологии власти в ее предельных основаниях, то Фуко искал, скорее, практические схемы исследования власти в единстве времени и пространства. Опыт их работ свидетельствует о том, что в исследовательском поле существует разрыв между философией истории и философией власти. Причем решать эту проблему исключительно практикой археологического поиска Фуко или исключительно теоретическими постулатами Кожева нам представляется недостаточным.

Весь позитивный и негативный опыт освоения указанных параметров власти, начиная с А. Кожева и вплоть до С.А. Королева, демонстрирует необходимость отработки философской теории на исторической практике, что и предпринято в нашей работе при обращении к узловому для второй половины XX и первой половины XXI веков историческому событию – Ялтинской конференции 1945 г. Последняя, наряду с Вестфальским миром (1648 г.) и Версальской системой мирных договоров (1919–1922 гг.), стала на длительное время маркером, характеризующим особую реальность – Рах Yalta. Его тщательно выстраивали и формировали эксперты как со стороны СССР, так и со стороны США и Великобритании на протяжении нескольких десятилетий.

Разгоревшиеся в 2015–2019 годах с новой силой дискуссии о целесообразности поддержания (реанимации, возрождения, забвения, преодоления) ключевых принципов, эйдосов, идеологем, универсалий

Ялтинского мира в области международных властных отношений спустя почти столетие после его создания обостряют актуальность обращения диссертанта именно к данной проблематике.

Степень разработанности проблемы

Проблема власти демонстрирует крайне высокую степень интереса к себе со стороны разнообразных специалистов на всем протяжении XX века и продолжает наращивать свою привлекательность для академического сообщества и в XXI веке.

Стабильно высок индекс обращений к феномену «власть» среди отечественных философов. Только на протяжении последнего десятилетия появился ряд солидных исследований, посвященный разнообразным аспектам философии власти в диапазоне от онтологии власти до эстетики власти, от вопросов взаимодeterminации власти и культуры до эпистемологии власти через онтологию тела и биополитику (А.Ю. Дорский, М.Д. Рахманинова, М.А. Корецкая, А.В. Яркеев).

Что касается блока результатов, связанных с историософией власти, или более точно – с темпоральным подходом к проблеме, то он довольно скромен, хотя определенные результаты разработки этой тематики можно встретить уже в трудах С.Н. Булгакова и Н.А. Бердяева.

В настоящее время налицо факт наличия весьма оригинальных попыток определить власть в философско-богословском ключе, сформировав этапность трансформаций власти в сверхисторическом, метафизическом измерении истории (П.А. Сапронов).

Некоторым переходом от метафизических штудий к микроистории власти, от общих теоретических посылок к их конкретному воплощению в рамках объемного научного труда следует признать рубежную монографию М.Ю. Савельевой¹. Российский опыт анализа становления феномена «сакральное» позволил достичь разумного компромисса между академической философией и насыщенной эмпирикой историей. В том же направлении мыслил С.А. Королев. Отметим несколько исследований, заставляющих по-новому взглянуть на вопрос о топосе и хроносе власти (И.А. Исаев, И.В. Федяй) и предлагающих философский опыт пространственно-временной аналитики политической власти (Ю.А. Лукашина), заостряют внимание на понятии «ужас», как своеобразном биополитическом топосе власти (А.Г. Некита, С.А. Маленко). В диссертационном исследовании Е.О. Бабинцева были предприняты точечные попытки вскрыть процедуры сакрализации власти методами философского анализа².

Среди зарубежных авторов XX века, внесших существенный вклад в осмысление пространственно-временного континуума власти, следует назвать Ф. Ницше, А. Кожева, Б. Рассела, М. Хайдеггера, К. Шmitta,

¹ Савельева М.Ю. Монархия как форма самоопределения личности: российский опыт становления феномена «сакральное». Киев: ПАРАПАН, 2007. 411 с.

² Бабинцев Е.О. Сакральная легитимация королевской власти: на примере Англии IX – первой половины XV века: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.14. М., 2018. 23 с.

М. Фуко, П. Бурдье, Р. Барта, Ф. Федье, Ж. Бодрийяра, Э. Тоффлера, Ф. Фукуяму, М. Наима, Ж. Билье, М. Манна, а также создателей серии англоязычных тематических сборников «Power. Critical concepts».

Из последних фундаментальных разработок весьма важным для понимания англо-саксонского историко-социального подхода к понятию «power» оказался четырехтомный труд, посвященный истории социальной власти Майкла Манна.

Разработкой онтологических и эпистемологических оснований понятия «хронотоп» и его концептуальных производных (например, гуссерлевского и хайдеггеровского «бытийного региона») занимались Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, М.М. Бахтин, А.А. Ухтомский, А.Ф. Лосев, О.П. Флоренский, Н.А. Бердяев, Ж.П. Сартр, Ф. Бродель, И. Валлерстайн, М.К. Мамардашвили, О.Ф. Русакова, А.Ю. Сунгurov, В. Савчук, И.В. Демин, А.В. Политов, А.В. Шмелева, В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. Необходимо отметить усилия С. Неретиной и А. Огурцова по консолидации имеющегося опыта освоения процесса в единстве топологичности и темпоральности.

Параллельно развивались исследования и теоретические эксперименты природы пространственно-временной мир-системной реальности в трудах Ф. Броделя, И. Валлерстайна и их последователей.

Значительные результаты были достигнуты отечественными исследователями в проведении историко-философских изысканий. Первой серьезной работой отечественных философов в этом направлении стала книга «Власть: очерки современной политической философии Запада». В последующие годы появилась плеяда талантливых исследователей, среди которых следует выделить В.Ф. Халипова, М. Щеглова и С. Хазина, М.В. Шувалова, Е.А. Рахмановскую, А.В. Энговатову, И.В. Федяй, Н.А. Плетневу, М.И. Михеева, С.П. Нарыкову. Среди зарубежных авторов, достигших интересных результатов в историко-философских исследованиях, следует отметить теоретические усилия С. Льюкса и А. Рида.

В поле исторической науки (которую мы вслед за М. Хайдеггером отличаем от исторического знания) также предпринимались разнообразные попытки продемонстрировать единство топоса и хроноса в рамках собственных исследований. Иногда их проводили профессиональные историки, в ряде случаев – профессиональные философы или социологи. Первые пытались обобщить властную эмпирику в определенную пространственно-временную систему, вторые – найти эмпирическое подтверждение своим философским интуициям или социологическим расчетам. Это такие авторы как Э. Канторович, М. Блок, С. Московичи, М. Фуко, Р. Уортман. Следует отметить также ряд коллективных проектов, посвященных указанной проблематике и оказавшихся весьма успешными, например «The Power of Religion in Late Antiquity / Edited by Andrew Cain and Noel Lenski», а также многолетние разработки профессора Н.А. Хачатурян и ее учеников. Значительно приближают нас к проблеме хронотопа власти исследовательские усилия посвященные разработке тем: «Историческая

память», «Социальная память» и «Историческая политика» (О.Н. Коршунова, М.А. Розов? А.А. Баранникова, А.Ю. Рудницкий). Однако представленные тексты при всей их безусловной важности нацелены на определенный географический регион и строго локализованы в определенной исторической дисциплине. Они более концентрируются на фиксации властной и околовластной предметики, нежели на постановке проблемы о возможности такой фиксации или формулировании ее процедур, которые могли бы применяться во всех исторических дисциплинах, и, безусловно, крайне мало внимания уделяют вопросам хронотопного региона власти как такового.

Что касается работ в области Pax Yalta, то они, принимая во внимание темпорально-топологичный фактор микроистории власти (С.В. Юрченко), а также необходимость осмыслиения заявленной темы, исходя из трансформаций глобальных историко-политологических парадигм, не поднимали вопрос о формировании особого пространственно-временного континуума власти, сформированного не столько в феврале 1945 года, сколько в последующее время, когда происходила масштабная реконструкция хроноса и топоса «Духа Ялты». Следовательно, и многочисленные перспективы освоения Pax Yalta на стыке философии власти и философии истории оказались нереализованными.

Очевидно, что без решения вопроса о хронотопе власти, теоретической экспликации категориальной сетки, с ней связанной, дальнейший рост философского осмыслиения власти, как представляется, будет неполным, а многочисленные актуальные вопросы философии истории, сопряженные с актуальными проблемами создания адекватной международной системы властных отношений, останутся безнятного ответа.

Объектом исследования являются пространственно-временные горизонты власти в социально-философских дискурсах XX–XXI вв.

В качестве предмета выступают техники формирования хронотопных моделей макровласти в современном мире.

Цель исследования – сформулировать значимые черты хронотопности власти для выявления социально-онтологических участков существования хронотопа власти «Ялтинский мир».

Основные задачи исследования:

1. Концептуализировать хронотопное понимание власти. Эксплицировать концепт «хронотоп власти» до термина, позволяющего осуществить эпистемологические процедуры в спектре социальной философии.

2. Осуществить цикл мысленных экспериментов на предмет гносеологической успешности эксплуатации имеющихся в истории философии представлений о хронотопе власти.

3. Продемонстрировать потенциал сформированной познавательной модели при анализе власти в структуре Pax Yalta, являющейся осью развития новейшей всемирной истории.

4. Определить структуру бытийствования хронотопа власти Ялтинский мир на дисциплинарном участке региона бытования хронотопов власти.

5. Выявить когерентность, синергию и каузальность слоев исторического события на действенном участке хронотопа власти Ялтинский мир.

6. Сформулировать роль исторического нарратива в формировании эпистемы власти Pax Yalta как средства гармонизации и условия обмена информацией между участком дисциплины и участком действия хронотопа власти Ялтинский мир.

7. Обозначить возможные траектории развития хронотопа власти Ялтинский мир в диапазоне от позитивного до негативного варианта.

8. Предложить наиболее оптимальную, с точки зрения докторанта, перспективу развития хронотопа власти Ялтинский мир.

Методологические и теоретические основания исследования

Главным положением при разработке концепции хронотопа власти выступает представление о том, что отсутствие историографии, публично демонстрирующее отказ от историчности и, следовательно, в известном смысле от темпоральности любого присутствия (в том числе и власти), есть свидетельство дефектности модуса такого бытийного устройства. Сам термин «хронотоп власти» является результатом экспликации, с одной стороны, позиций Э. Гуссерля и М. Хайдеггера в части «Бытийного региона» и, с другой стороны, идей, представленных в развитых концепциях «Политического хронотопа», «Цивилизационного хронотопа», восходящих к разработкам М. Бахтина. Означенный термин обеспечивает понимание единства топологического и темпорального как самостоятельного блока в философии власти в целом и любой авторской концепции власти в частности. Это позволяет зафиксировать проблемное поле социально-философских дискурсов власти на качественно ином уровне, нежели это было сделано ранее.

Исследование строится на общенаучных методологических принципах: *системности, непротиворечивости, дополнительности, верификации*. Применение данных принципов, а также сформулированная проблематика докторанту требуют избрания нижеперечисленных методов как ключевых для заявленного исследования.

Метод концептуального анализа применялся для процедур экспликации концептов в духе аналитической философии: осмыслиения применения понятий хронотопного региона власти в европейском социально-философском дискурсе. Метод мыслится как «критическая экзаменация языка», когда осуществляется «понятийная терапия».

Метод контекстуального анализа использовался при экспликации понятий авторских концепций власти, имеющих отношение к хронотопному региону.

Сравнительно-исторический метод применялся для фиксации подобий и противоположностей исследуемых теорий, концепций, гипотез, авторских точек зрения и постулатов.

Метод исторической реконструкции и конструкции был востребован для определения точек пересечений двух ветвей социально-философского дискурса власти: академического и утилитарно-политического в формате международных отношений.

Метод моделирования позволял определить востребованность того или иного понимания хронотопного региона власти для объяснения властного дискурса, сформированного в рамках Ялтинского мира как осевого хронотопа в событийных потоках XX–XXI вв.

Метод мысленного эксперимента позволял создать возможности для «погружения» той или иной концепции в практику построения Ялтинского мира с целью выявления ее эпистемологических возможностей. Метод выступает в нераздельном тандеме с методом моделирования.

При решении отдельных проблем использовалась *методика генеалогии и археологии гуманитарного знания* (по М. Фуко).

Теоретическую основу исследования составляют работы по социальной философии, исторической онтологии и эпистемологии.

При анализе онтологических и эпистемологических проблем хронотопного региона отправной точкой служат труды Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра, П. Рикера, А.А. Ухтомского, М.М. Бахтина, А.Ф. Лосева, М.К. Мамардашвили, С.С. Неретиной и А.П. Огурцова, Ф. Броделя, И. Валлерстайна.

Методологическую основу аналитики власти в аспекте ее хронотопа составляют работы таких исследователей, как А. Арендт, А. Кожев, М. Фуко, П. Бурдье, Ж. Бодрийяр, Ж. Билье, К. Шмитт, М. Манн. Достоверность наработанных результатов обеспечена научно-методологической обоснованностью ядра исследования, а также использованием принципов, подходов и методов, которые адекватны целям и задачам работы и находятся в объектно-предметном поле исследования.

При создании историко-философских обобщений использовались наработки В.Ф. Халипова, В.В. Желтова, В.Г. Ледяева, М. Хазина и С. Щеглова.

Научная новизна исследования

1. Впервые в отечественной философии посредством сравнительного анализа произведено разграничение векторов выражения пространства и времени власти в русском и некоторых европейских языках. Это позволило выявить ошибочность некритичного использования романо-германских референтов власти при археологическом исследовании советско-российского хронотопа Ялтинского мира.

2. Создан русскоязычный терминологический аппарат, который позволяет осуществлять археологический поиск социально-гуманитарных артефактов, фиксирующих пространственно-временную бытийственность

власти: «Регион бытования хронотопов», «Хронотоп власти», «Топохрон власти», «Дисциплинарный участок хронотопов власти», «Действенный участок хронотопов власти».

3. Последовательный анализ представлений о пространственно-временном (токохронном и хронотопном) бытии власти позволил вывести тематику пространственно-временной наблюдаемости власти в самостоятельный сектор социально-философских исследований на стыке философии истории и философии власти.

4. Определено, что хронотопы власти группируются в специфическом бытийном регионе, который мы обозначили как «Регион бытования хронотопов власти». Он включает два участка: дисциплинарный (основа которого – нарративное поле, где формируются и осуществляются тактики власти) и действенный (основа которого – слойстая структура исторического события, где формируются пакеты информации для тактик власти дисциплинарного участка). Это позволило выявить факты, имеющие отношение к пространственно-временному бытию власти, отделив их от фактов политики и управления.

5. Определено, что существует бинарная оппозиция советско-российского нарратива Ялтинский мир и англосаксонского Yalta-45 как содержание дисциплинарного участка региона бытования хронотопов.

6. Установлено, что в рамках дисциплинарного участка региона бытования хронотопов власти имелись предпосылки к появлению иных оппозиций хронотопов: «Tehran-43» – «Тегеранский мир», «Bretton Woods system» – «Бреттон-Вуд-44». Однако они так и не перешли из действенного участка власти на участок дисциплинарный и, следовательно, не сформировались как альтернатива или оппозиция властной эпистеме Рах Yalta, сохранив, однако, свое значение для модуса экономики, политики и отчасти дипломатии.

7. Исследование нарративов в аспекте разных языковых картин мира показало, что они конфликтуют по причинам онтологической разницы в восприятии и освоении пространственно-временных реалий власти. Это задает определенные режимы развертывания международных отношений и формирует определенные, характерные только для отдельно взятого нарратива стратегемы.

8. Выделение слойстой природы участка действия и его связи с участком дисциплины позволило обнаружить точки разрывов, которые минимизируют обмен информацией между слоями участка. Это дало возможность заключить, что инспирированное и продуманное нарушение специфических каналов коммуникации внутри хронотопа Ялтинский мир (например, передача информации из слоя «деятельность» участка действия в нарративное поле дисциплинарного участка через научное творчество) запустило маховик дестабилизации разнообразных структур на обоих участках региона бытования хронотопа власти, далее развивающегося уже стихийно.

9. Установлено, что процедуры распада и процесс дестабилизации технически может быть остановлен. Достаточно восстановить конструкты обмена информацией и принципов ее пакетирования, характерные для 70-х годов XX века, когда информация из слоя «Событие-факт» активно поступала в слои «деятельность» и «действительность» участка действия и далее попадала в нарративное поле участка дисциплины. Акторами этих процедур выступал нарратор и ученый в одном лице. Однако восстановление исключительно хронотопа Ялтинский мир не гарантирует стабильность всей эпистемы Pax Yalta, так как ей противостоит действенный хронотоп англо-саксонского мира Yalta-45. Показано, что выходом может стать конструирование метанарратива, ориентированного на многополярность, диалог и процедуру. Указанные ориентиры в условиях глобализирующегося мира позволяют выявить позитивные смыслы обоих нарративов, стать фактором поддерживания многополярных международных отношений.

Положения, выносимые на защиту

1. Осуществленное исследование не имеет целью построение некой стратегии действия и рекомендаций органам государственной власти. Оно, безусловно, предполагает и диагностирует модели возможных действий, но не манифестирует необходимость определенных поступков и узаконивания конкретных стратегем для сферы международных отношений. Исследование проясняет моменты нынешнего сбоя в пролонгации Pax Yalta, которые, например, наступают в результате попыток буквального применения, напечатлевания (по Хайдеггеру) нарратива на конкретный сегмент сети властных отношений. Диагностика этого и других моментов сбоя позволяет обнаружить точки роста новых практик и начать конструирование метанарратива, адекватного современному состоянию социально-философской теории и практики международных отношений. Решение осложняется тем, что мы сталкиваемся со спекулятивными формами как в области теории, так и в сфере реализации властных отношений, что, помимо всего прочего, требует серьезной проработки значительного массива эмпирических данных и обращения к гносеологической стратегии «Археология власти».

2. Руководящим принципом «Археологии власти» и работы в области «Хронотопов власти» выступает «Насыщенное описание». Последнее предполагает расширение теоретического пространства смыслов и границ дискурса посредством как анализа контекста очевидных дисциплинарных формул власти, так и реконструкции генеалогии сетей смыслов, функционирующих в Pax Yalta. Для этого используется широкое обращение к эмпирическим фактам из историографии, искусствоведения, международного права и политологии. В результате чрезвычайной эмпирической плотности текста открываются возможности для наполнения исследовательского пространства новыми смыслами, верификации значимых элементов социальной памяти, проходящих по реестру «общеизвестных истин», повышения практической значимости исследования

не только для философского знания, но и широкого спектра социально-гуманитарных дисциплин.

3. Регион бытования хронотопов власти придает центральную значимость процедурам определения пространства и времени власти в их единстве и гармонии. Как исследовательская установка он присутствует во всех форматах социально-философских дискурсов. Регион имеет два участка воплощения: участок дисциплины и действенный участок.

4. Участок дисциплины (или, иначе, дисциплинарная онтология) является пространством, где взаимодействуют системы понятий, представлений, образов и метафор о пространственно-временных характеристиках власти. Средой формирования, возрастания, распада и трансформации систем понятий является нарративное поле дисциплины. В нашем исследовании мы затрагиваем исторический нарратив как среду формирования пространственно-временного представления о власти Pax Yalta.

5. Участок действия (или действенный участок) по своей сути имеет событийный формат. Мы понимаем под ним действительное реальное пространственно-временное бытие власти как бытие сущего. В рамках нашего исследования оно ограничивается историческим событием.

6. Хронотоп власти в нашей концепции есть исследовательская конструкция, позволяющая определить пространственно-временную фактурность власти как ризоматическую сеть стратегий применения техник власти (и в формате теоретического конструкта в социально-философских текстах, и в повседневных практиках общества).

7. В функционировании властной сети и процедурах построения разнородных хронотопов существенную роль играет восприятие власти с позиций того или иного естественного языка. Мы опираемся в этом отношении на Хайдеггера, определявшего язык как «Дом Бытия», Бибихина с его «словом как голосом события» и, в конце концов, на тезис Лакана «Бессознательное структурировано как язык». Разница не дефиниций, а смысловых полей власти, ее пространственно-временного осознания, разница интуиций власти в двух языках – русском и английском – является, на наш взгляд, существенной причиной того, что в пространстве Pax Yalta так и не сформировался единый хронотоп, хотя в развертывании события Ялта-1945 тому были реальные предпосылки.

8. Исторический нарратив формирует особую конфигурацию взаимоотношений между временем и пространством власти в формате Pax Yalta. Любой исторический нарратив создает смыслы для наблюдателя (в фукольдианском понимании – как теоретика, как агента практической реализации властных отношений и как повседневного человека, который является потребителем нарратива на уровне обыденного сознания) в пределах его, наблюдателя, естественного языка. А значит, подчеркнем этот момент еще раз, возможности пространственно-временной определимости власти в том или ином естественном языке создают пределы для самого

исторического нарратива, а также точки конфликтов разных национальных нарративов между собой. Классическим примером в этом смысле представляется стратегия советского (и современного российского) нарратива, направленная на непрерывное деление Ялтинского мира и темпоральную (но не топологическую) его деконструкцию как стратегии англо-американского нарратива. Нарратив создает эпистему Pax Yalta, но он же способен ее демонтировать. Эпистема, созданная нарративом, выполняет функции координатора и конфигуратора между породившим ее участком дисциплины региона бытования хронотопов власти и участком действия, предоставившим эмпирические информационные пакеты для ее конструкции.

9. В рамках заявленной археологии власти есть возможность зафиксировать факты, когда значимое историческое событие, сохраняющее по сей день высокое значение для экономики, политики и дипломатии, так и не оформилось в хронотоп власти. В качестве примера приведем исторические события «Тегеранская конференция 1943 г.» и «Бреттон-Вудское соглашение 1944 г.». Их следы отчетливо фиксируются на участке действия хронотопов власти. Они, безусловно, выступают систематизирующим фактором для группы общемировых явлений, связанных, например, с международным торговым правом. Однако следы, запечатленные и остающиеся до сих пор актуальными на участке действия, не попали на участок дисциплины хронотопов власти. Нарративное поле не трансформировало историческую событийность в формат эпистемы власти. В результате потенциальные хронотопы власти не были сформированы и в модусе пространственно-временного бытия власти были включены в орбиту Pax Yalta, не обретя автономный, оппозиционный характер. Что, впрочем, не исключает возможности формирования с их помощью альтернативной для Pax Yalta модели эпистемы макровласти в будущем.

10. В истории философии существуют разные взгляды на природу изложенных выше феноменов. Мы выявили три группы взглядов на пространственную и временную природу власти. Первая группа – «Топохронность власти». В своем составе она распадается на такие направления, как «Феноменологический подход», «Социологический подход», «Социально-историческая рефлексия и оптика тела». В данной группе доминирующей для исследователей представляется проблема пространства власти, где время выступает несущественным вспомогательным элементом определимости властных явлений в пространственной среде.

11. Вторая группа – «Синтез топологичности и темпоральности власти». В данной группе осуществляются попытки механического объединения временного и пространственного понимания власти в рамках определенной авторской парадигмы. Работы этой группы относятся к разным субгруппам, отражающим разные внутригрупповые тактики исследования: «Религиозно-философский хронотоп», «Пространственно-временное

присутствие власти по М. Хайдегеру», «Религиозный синтез», «Хронотопность концепта «Власть» и «Футурология».

12. Третья группа – «Развитые концепции хронотопного региона власти», распадающиеся на авторские разработки А. Кожева, М. Фуко, М. Манна и концепцию Хазина-Щеглова. Отличительной особенностью группы выступает выявление хронотопности власти как определяющего фактора для понимания власти в целом. Авторы формируют развернутую онтологию власти с опорой на гармоническое и неотрывное слияние темпоральности и пространственности власти.

13. Работы предшественников позволили заключить, что Pax Yalta представляет собой эпистему власти, особый формат систематики и гармонизации властной реальности, характерной для второй половины XX – начала XXI вв. Точкой распаковывания смысловых горизонтов эпистемы является реперная точка для истории макровласти в международных отношениях – Ялтинская конференция 1945 г.

14. Pax Yalta характеризуется диффузией времени и пространства с возможностями подмены временных констант пространственными и наоборот. Это искусственная реальность макровласти, которая была создана в ходе Холодной войны с искажением или подменой возможных альтернатив макровласти, связанных с Тегераном-43, Бреттон-Вудом – 44, Хельсинки-75 и др. Она формируется и питается постоянно меняющейся конфигурацией противостояния советско-российского хронотопа власти Ялтинский мир и англо-саксонского хронотопа власти Yalta-45. Причем это противостояние фиксируется как на участке дисциплины, так и на участке действия региона бытования хронотопов власти, где эпистема Pax Yalta выступает естественным горизонтом для осуществления процедур, тактик и стратегий власти.

15. Ее наиболее яркими выразителями являются две ипостаси. Советская структура (с ориентиром на тотальное подчинение пространства власти – времени власти через продвижение смысло-образов «Вечности», «Незыблемости», «Непреходящести» исторического события «Ялтинская конференция 1945 г.» как Ялтинской системы мироустройства). При этом происходит игнорирование иных альтернатив возможных хронотопов или даже эпистем власти (Тегеран-43, Бреттон-Вуд – 44 и др.). Англо-американская модель (ориентир на капсулирование Хронотопа власти Ялтинского мира в строго очерченном времени и пространстве февраля 1945 г. на территории Большой Ялты; события, последовавшие после, – это лишь искаженная Ялтинским Хронотопом нормальная пространственно-временная реалия Вестфальской системы мироустройства). Модель не подразумевает создания альтернативы Ялтинскому миру. Обращение, например, к Фултону-46 носит деструктивный формат, направленный нарраторами англо-саксонской модели против Ялтинского мира, а не в сторону формирования возможной эпистемы власти «Фултоновский мир».

16. Особенностью формирования эпистемы Pax Yalta выступают специализированные тактики (по овладению сетями смыслов эпистемы), созданные борьбой между советским и западным хронотопами. Цель борьбы – овладеть прошлым ради доминирования в настоящем и абсолютизации своего проекта будущего. В этой борьбе наблюдатель (поглотитель нарратива) – обязательный и главный элемент. Его ощущение, восприятие прошлого, его чувство обладания прошлым, а значит, и ощущение власти над ним – ключевое условие развития того или иного хронотопа. При этом наблюдатель (в фукольдианском прочтении) одновременно выступает и как субъект репродукции уже имеющегося «банка» смыслов, и как объект, на который эти смыслы направлены. В 40–80-е годы XX века еще фиксировалась некоторая дистанция между наблюдателем как поглотителем смыслов и акторами как их создателями, но логика развития нарратива власти неизбежно стирала грань между ними.

17. В структурах дисциплинарного участка хронотопа Ялтинский мир оформляется нацеленность на обладание прошлым. Обладанием как контролем, владением, формированием установки на личную причастность к Событию-факту. Стратегия власти в рамках данного хронотопа синтезирует пространство и время в цельную единицу. Стратегия хронотопа власти Ялтинский мир не подразумевает иного «мира», а любая трансформация в иное качество обозначается как планетарная катастрофа.

18. Отечественный исторический нарратив отмечается не только вектором на создание хронотопности власти Ялты (Ялтинский мир как долгое/большое событие, имеющее начало, номадическое настоящее и открытое будущее). В последние годы под прессом консциентальной войны он начал приобретать элементы топохронности власти, в рамках которой Ялта-45 не распаковала Ялтинский мир, а осталась историческим фактом, строго локализованным в Большой Ялте. Третья тенденция сугубо деструктивная: выведение Ялтинского мира из актуального региона власти (дальнейшее развитие второго вектора, его смысловое завершение, исключающее Ялтинский мир из времени и истории макровласти международных отношений).

19. Технические причины формирования как позитивных, так и деструктивных векторов смыслов в нарративном поле участка дисциплины находятся на участке действия. Последний, по существу, несет бремя исторической событийности и имеет слоистую структуру («Событие-факт», «Событие-деятельность» и «Событие-Действительность»). Он как таковой пакетирует информацию о следах власти, передавая ее на участок дисциплины. В настоящий момент наблюдается, с одной стороны, разрыв между событийными слоями Ялтинского мира, а с другой – сужение каналов обмена информацией между участками. Причиной такой ситуации стало прекращение централизованного контроля в модусе Событие-действительность над передачей информационных пакетов между участком действия и дисциплинарным участком. Контроль осуществлялся

автоматически акторами знания, которые являлись одновременно нарраторами для участка дисциплины и учеными-исследователями для действенного участка.

20. Решение проблемы видится не в возвращении структуры контроля и восстановлении института нарраторов-ученых, а в формировании и слиянии хронотопов власти в сеть, где каждый из них являлся бы узлом, лишенным доминирования друг над другом. На участке дисциплины это возможно через создание мета-, архинарратива, апеллирующего к принципам диалога, договороспособности, отсутствию единонаачалия, т.е. той матрицы, которая фиксируется в следах власти на единственном участке и которая позволила состояться Ялтинской конференции, осуществить формирование ООН и начать процессы, блокировавшие угрозу ядерной войны. Вероятным представляется также инкорпорирование метанарративом тех позитивных элементов следов власти, которые фиксируются в историческом событии Тегеран-43, Бреттон-Вуд – 44, Хельсинки-75 и др. Это неизбежно приведет к формированию не «иного Ялтинского мира», а к созданию на основе Pax Yalta новой эпистемы власти «Большой мир», отдельные теоретические предпосылки которой фиксируются в авторских концепциях политологов, экономистов, историков, философов (Ф. Бродель, И. Валлерстайн, М. Манн, Дж. Агамбен, Н. Фергюсон и др.).

Соответствие диссертации паспорту научной специальности

Диссертационное исследование соответствует формуле специальности: «... история как событийный процесс развития и взаимодействия реальных стран, народов и цивилизаций... историософия XX века, исторические судьбы России, проблемы модернизации и выбора современных цивилизационных ориентиров развития», а также следующим пунктам паспорта специальности: «20. Философия политики», «26. История как событийная жизнь людей во времени и пространстве. Соотношение "событий" и "структур" в их социально-философской интерпретации», «27. Методологические проблемы исторического познания в современных социально-философских трактовках», «30. Власть и собственность как факторы исторической эволюции», «34. Исторические судьбы России, перспективы ее развития в XX веке».

Практическая значимость исследования

Полученные результаты могут использоваться в компаративистских исследованиях власти в области философии, истории, политологии, социологии и культурологии. Материалы диссертационной работы значительно расширяют проблемное поле философии власти, философии политики, философии истории и методологии исторической науки.

Результаты исследования позволяют внести существенные корректизы в понимание процессов (событийных потоков) Новейшей истории, уточнить ключевые положения хронополитики и геополитики, значительно освежить научные представления о современной системе международных отношений и роли в них социально-философского дискурса власти.

Предлагаемый автором исследования взгляд на Ялтинский мир позволяет существенно усилить прогностический аспект ведущихся политико-дипломатических диспутов, выявить новые формы понимания будущего мироустройства и профилактировать концептуальную путаницу, связанную с пространственно-временным континуумом власти.

Апробация диссертации

Основные положения диссертационного исследования обсуждены и одобрены на заседании кафедры социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета.

Отдельные аспекты работы нашли отражение в докладах на всероссийских и международных конференциях: «Дні науки філософського факультету – 2007» (Киев, 2007); «Ялтинская система» и современный мировой порядок: проблемы глобальной и региональной безопасности» (Ялта, 2010); «Искусство и наука третьего тысячелетия» (Симферополь, 2010); «Ялтинская система» и современный мировой порядок: международные конфликты и пути их урегулирования» (Ялта, 2012); «Локальное наследие и глобальная перспектива: «Традиционализм» и «Революционизм» на Востоке» (Санкт-Петербург, 2013); «Проблеми джерелознавства, історіографії та історії Сходу» (Луганск, 2013); «Всесвітня історія та актуальні проблеми міжнародних відносин» (Луганск, 2013); «Военно-исторические чтения» (Керчь, 2013); «ІІ «Американские студии» (Симферополь, 2013); «Культура, наука, образование: проблемы и перспективы» (Нижневартовск, 2013); «ІІ Міждисциплінарні гуманітарні читання» (Киев, 2014); «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в памяти народа и документах архивного фонда Российской Федерации и Зарубежных архивах. Проблемы изучения и публикации» (Москва, 2015); «Философия войны и мира: к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне» (Москва, 2015); «Духовная составляющая Великой Победы (к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.)» (Луганск, 2015); «Русская цивилизация: уникальные феномены и культурные универсалии» (Симферополь, 2015); «Corpus Aristotelicum в XXI веке» (Ялта, 2016); «Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР» (Владивосток, 2016); «К 75-летию начала Великой Отечественной войны: на грани катастрофы» (Москва, 2016); «Реалии и иллюзии советского общества накануне Великой Отечественной войны» (Брянск, 2017); «Апрельская Ялта: миф и культура Тавриды» (Ялта, 2018); «Образование, наука, церковь: совместные ответы на вызовы современной цивилизации» (Симферополь, 2018); «Философия и цивилизационное будущее России» (Москва, 2019); «История понятий: эпистемологические традиции и методологические новации» (Москва, 2020).

Ряд положений диссертации был апробирован на площадках всероссийских и международных конгрессов: «Первый Всероссийский элитологический конгресс» (Ростов-на-Дону, 2013); «VII Российский

философский конгресс: Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений» (Уфа, 2015); «Международный научно-дипломатический конгресс: "Ялтинский мир: исторический опыт и перспективы"» (Москва – Севастополь – Ялта, 2020); «Международный научный конгресс "Глобалистика-2020"» (Москва, 2020).

Отдельные аспекты исследования выносились для обсуждения на ежегодных конференциях: «Ялта-45» (Симферополь, 2013; Ялта, 2014, 2015, 2016, 2017); «Практическая философия: состояние и перспективы» (Судак, 2018; Ялта, 2019); «Ялтинские философские чтения» (Ялта, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020).

Ряд положений диссертации был обсужден на «Методологическом семинаре Клуба мышления КФУ им. В.И. Вернадского» (Симферополь, 2020).

Материалы исследования О.К. Шевченко нашли отражение в двадцати одной статье в ведущих научных журналах (согласно перечню ВАК Минобрнауки РФ) общим объемом 9 п.л., в семи статьях, опубликованных в журналах БД Scopus и/или Wos общим объемом 6,3 п.л., а также в двух рецензируемых монографиях и в других статьях общим объемом 34,6 п.л. Совокупный объем публикаций по теме диссертации составляет 49,9 п.л.

Структура и объем работы

Диссертационное исследование состоит из введения, основной части, заключения, библиографии и приложений. Основная часть включает четыре главы, в каждой из которых по четыре параграфа. Библиография насчитывает 510 наименований. Общий объем диссертации – 444 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность работы, формулируется проблемное поле (цель, задачи, объект и предмет исследования), анализируется вклад предшественников, излагается методология решения поставленных проблем, формулируются положения, выносимые на защиту, раскрывается научная новизна, указываются теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования, приводятся сведения об апробации его результатов.

Первая глава исследования **«Хронотоп власти: постановка проблемы»** посвящена формированию предпосылочного знания, формулированию рабочих гипотез и постулатов, структурированию понятийно-категориальной сетки исследования.

В первом параграфе первой главы **«Теоретические предпосылки диссертационного исследования»** излагаются предпосылки появления проблемы **«Хронотоп власти»**, анализируются семантические аспекты темпоральности власти, исследуются параметры власти как объекта и исторической науки, и философии истории, определяются нарративы Рах Yalta как предмета социальной философии.

Автор приходит к выводу, что социально-философский дискурс о пространственно-временной определимости власти (хронотопе власти) должен начинаться с определения семантики лексемы «власть» в ключевых европейских языках, особенно в области определимости темпоральности властной реальности (цель второго параграфа первой главы). Его естественным развитием следует признать формирование понятийного инструментария пространственно-временной определимости власти уже в рамках самой социальной философии (цель третьего параграфа первой главы).

В этом случае основной канвой исследования следует считать траекторию от построения понятийно-категориального каркаса диссертации к переходу через выявление пространственно-временного понимания власти в классических текстах (второй раздел диссертации) к археологии Pax Yalta (третий и четвертый раздел диссертации). Последний понимается как эпистема (мирообразующая реальность) макровласти в модусе международных отношений второй половины XX века. Она выступает как бытийная реальность и как предмет социально-философского изучения.

На данном исследовательском направлении несомненной трудностью является пространственно-временная определимость власти как эмпирической реальности. Выход видится в формулировании двух участков, которые задают формат бытования хронотопа: действенного участка с трехуровневым пониманием эмпирики власти (артефакты, действие, действительность) и дисциплинарного участка, где доминирует среда исторического нарратива. А техники (стратегии, процедуры) их взаимодействия и взаимообусловленности являются предметом историософии власти в целом и предметом нашей диссертации в частности.

Во втором параграфе первой главы **«Темпоральный аспект власти в дискурсивных практиках Европы и его влияние на хронотопы власти»** доказывается существование фундаментальной, корневой разницы в смыслосфере пространства-времени власти у носителей даже родственных друг другу языков, которая обуславливает необходимость регулярного обращения к «лингвистическим» аргументам в социально-философском дискурсе. Это касается как изучения траектории развития философии власти, так и анализа современного состояния властных отношений с позиций социальной философии, то есть через выявление онтологических и феноменологических аспектов властной реальности.

Особенно важен этот вывод для изучения хронотопов власти современного мира, поскольку та или иная национальная дискурсивная практика создавалась разнообразными социальными группами через образы, символы, смыслы, насыщая и наполняющая окружающий их мир своим особым пониманием, осваивая объективные процессы власти в своей и только своей манере, тем самым меняя и трансформируя свое бытие. А значит, формирование в историческом нарративе совокупного Запада особого образа власти в Pax Yalta на базе исключительно английского (американского)

дискурса не будет эффективным, тем более при попытках подменить русский образ Ялтинского мира англо-американским Yalta-45, калькировать французские пространственно-временные горизонты власти или внедрить чуждые для онтологии и феноменологии русской власти предпосылки и аксиомы.

Так, в Русском «мыслящем мире» власть есть нечто физически осязаемое, но не достигаемое, а даруемое или обретаемое. Она не делится на части, а присутствует во всей совокупности своих элементов: либо она есть, либо ее нет. Это особое состояние, имеющее предметное и физиологическое воплощение, очевидное для всех. Власть есть искушение, которое либо раздавливает человека, либо, если человек его преодолел (овладел, покорил, нивелировал), возвышает. Власть всегда сохраняет элемент сакральности от осознаваемой градации «Высшая власть – Бог, низшая – Земная» до отдельных религиозно-этических моментов с тенденцией абсолютизации «Вся власть – зло».

Английский язык выводит power за пределы темпоральности в сферу, где властвует чистая возможность, а значит, единственная допустимая трансформация – это рубеж перехода от собственно power к authority или rule. Фактор времени – это всегда прогноз, это Здесь-будущее, но такое, которое существует как возможность, но не присутствует как явленная предметность. Это некое пространство со своей структурой, элементами, ресурсами, но пространство в формате вечности и абсолютности. Она, power, предполагает наличие реальности присутствия, но именно предполагает, а не является собой. В одном из важных вышеприведенных значений power – это авторитет, то есть то, что предполагает подчинение, но сам факт подчинения – это уже не реальность power, а, скажем, реальность home rule.

Несколько по иному обстоит дело в немецком языке. Доказывается, что способность к темпоральности власти в немецком языке весьма существенна и значительно выше, чем в английском. Прежде всего, за счет серьезного внимания к таким реалиям, как «насилие», «диктатура», «давление», «владение», «лица, обладающие властью» (власть имущие). Немецкий близок к русскому языку и в целом к индоевропейскому прайзыку.

Во французском языке власть может выступать либо в модусе pouvoir, либо как autoritaire. Словарный анализ убедительно показал, что французский язык сильно различает власть-возможность и власть реализуемую, власть-право и власть – слепую (грешную – нем.) силу. В русском языке таковые различия отсутствуют, сливааясь в метафизически отлитой предметной данностью – властью. При этом французский, в отличие от немецкого или английского, более склонен видеть во власти-возможности именно потенциальность как некую вариативную псевдореальность, нежели исконную мощь (в английском) или узконаправленную авторитетную силу (в немецком).

Другими словами, сама потенция во французском языке склонна к изменчивости еще до ее предметизации в реальном пространстве-времени.

Уже на уровне «чистой» возможности власть оказывается не такой уж и «чистой», испытывая пространственно-временные метаморфозы в искусственно созданном языком мире. Довольно важный аспект французской власти – это «быть в состоянии мочь» или «не быть в состоянии мочь». Нахождение в некоем состоянии – это уже некая данность присутствия со своей темпоральностью. Перед нами как бы две реальности – два пространства и два времени власти. Первая – это реальность искусственная, созданная языком, вторая – реализуемая в практике физического предметного присутствия, причем обе они темпоральны и не существуют одна без другой.

В третьем параграфе первой главы **«Хронотопность власти Pax Yalta: понятийная сетка»** формулируются ключевые понятия докторской диссертации и выстраиваются смысловые связи между ними на основе существующей традиции постижении хронотопа и власти как важных понятий социальной философии.

Выведено, что *Хронотоп власти* – это пространственно-временная определимость присутствия властной реальности в определенном состоянии. Это точка на временной (астрономической, календарной) шкале, которая максимально насыщена эйдосами и смыслами власти, оказывающими длительное воздействие на макроструктуры власти в сфере геостратегии и geopolитики. В свою очередь *регион бытования хронотопов власти* определяется как истинное, действительное реальное пространственно-временное бытие власти как бытие сущего. Регион состоит из двух участков: «участка дисциплинарной онтологии»³ и «участка действия». На первом осуществляются практики и техники власти, создающие определенную конфигурацию нарративного поля. Роль нарратива заключается в формировании особой логики взаимоотношения между хроносом и топосом власти. На втором участке региона – запечатлеваются следы, артефакты для археологии власти. Между участками происходит оживленный обмен информацией, который контролирует и регламентирует определенная эпистема. В нашем случае таковой эпистемой является Pax Yalta – мирообразующая реальность власти в модусе международных отношений второй половины XX века, выступающая как бытийная реальность и предмет социально-философского изучения. Для власти в международных отношениях она является тем же, чем эпистема для гуманитарного знания – определенной конфигурацией представлений о ней. Источник и поле формирования эпистемы власти Pax Yalta – исторический нарратив как инструкция по созданию определенных смыслов власти (П. Рикер) и техника самой власти (Ф. Анкерсмит).

Роль исторического нарратива заключается в формировании особой логики взаимоотношений между хроносом и топосом власти в формате Pax Yalta. Именно для выявления вышеозначенной ситуации используется

³ «Дисциплинарная онтология» – термин, четко обоснованный В.С. Степиным и являющийся дальнейшим развитием Гуссерелевской «региональной онтологии» и Хайдегеровской «Предметной области».

термин «Хронотоп власти». Последний есть пространственно-временная определимость совокупности стратегий применения техник власти (в качестве теоретического конструкта в трудах классиков и повседневной практики в обществе).

Эпистема состоит из двух бинарных хронотопов власти: западного и советско-российского. Она задает макропоказатели пространственно-временной определимости всех явлений, связанных с властью. Конкретные технологии и методики их формирования коренятся в информационных потоках, формируемых на участках региона бытования хронотопов власти. Их определение и структурирование выступают главными задачами диссертационного исследования и будут раскрыты в третьей и четвертой главах диссертации.

В четвертом параграфе **«Итоги первой главы»** формулируются ключевые выводы и акцентируется внимание на сформулированную рабочую гипотезу: исторический нарратив формирует особую конфигурацию взаимоотношений между временем и пространством власти в формате Pax Yalta. Любой исторический нарратив создает смыслы для наблюдателя в пределах его, наблюдателя, естественного языка. Следовательно, возможности пространственно-временной определимости власти в том или ином естественном языке создают пределы для самого исторического нарратива, а также точки конфликтов разных национальных нарративов между собой.

Во второй главе **«Экспликация хронотопности власти в зарубежной и отечественной социальной философии XX–XXI вв.»** автор доказывает практическую ценность выведенных в первой части диссертации понятий для историко-философского анализа пространственно-временной определимости власти. На качественно ином уровне рассматривает историко-философскую традицию постижения власти, чем это было сделано его предшественниками, расширяет познавательные возможности вводимых в философский оборот понятий для археологии власти Pax Yalta.

В первом параграфе второй главы **«Топохронность власти»** сгруппированы по нескольким подходам концепции, в которых топологичность власти безусловно доминирует над хронологичностью.

Феноменологический подход (Г. Гегель, Ф. Ницше, Б. Рассел, С. Льюкс) демонстрирует важность внимания к механизмам и процедурам формирования властного состояния. Он указывает на то, что в определенном состоянии власти время становится обратимым, а «я» исчезает в процедурах наблюдения, рефлексии, или шире – гегелевского «желания». Это важный момент, который при обращении к историческому нарративу в рамках археологии власти Pax Yalta, способен абсолютизировать время. Он также потребует обратить пристальное внимание именно на конкретные процедуры формирования нарратива Pax Yalta как одного из источников (а не следствия) особенностей власти в заявленном нами бытийном регионе.

В свою очередь *социологический подход* (М. Вебер, Т. Парсонс, Н. Луман, А.А. Зиновьев, В.Г. Ледяев) демонстрирует возможности типологизации власти, построения строгой структуры ее топоса, но при этом требует жесточайшего абстрагирования дефиниции власти от философского понятия до узкого научного операционального термина. Последний не отрицает бытие власти как таковой, а лишь фиксирует присутствие неких фактов, которые ради определенных научных целей можно временно и условно обозначить как власть. Данный подход малоприменим для решения наших исследовательских задач, но показывает необходимость ужесточения требований к формулированию термина «власть» при работе с топосом власти, тогда как для темпоральной составляющей Хронотопного региона вполне достаточно широких философских интуиций.

Подход под названием «*Хронос и топос власти: социально-историческая рефлексия и оптика тела*» (И. Кант, Х. Арендт, Э. Канетти) обращает наше внимание на фактор памяти как существенный элемент темпоральности власти и мощный ресурс для формирования ее топоса в общественных отношениях. Ориентир на оптику тела и социально-историческую рефлексию наглядно демонстрирует инструментальность «отложенного времени» посредством угрозы всеобщей смерти. Он настаивает, что насилие вторично по сравнению со страхом и тактиками работы с прошлым через формирование нужного власти содержания опыта и памяти.

Во втором параграфе второй главы **«Варианты синтеза темпорального и топологического понимания власти»** доказывается, что в регионе бытования хронотопов власти как дисциплинарной онтологии наряду с топохронными концепциями встречаются попытки синтезировать пространственное и временное понимание власти в некой универсальной общей конструкции. Однако при этом развитие данных положений до стройной концепции не входило в планы авторов заявленного направления. Их объединяет отказ от создания теоретических конструктов жесткой топологичности власти, но одновременно с этим и нежелание подробно анализировать ее темпоральную составляющую. При всем этом в их текстах наличествуют интенции к формированию органически целой пространственно-временной (топохронной) фиксации власти. Всего выделено пять моделей такового синтеза: *религиозный синтез*⁴, *пространственно-временное присутствие власти по М. Хайдеггеру*, *хронотопность концепта «власть»*⁵, *футурологическое направление*⁶, *potentia hermetica (скрытая власть)*⁷.

Подтверждая наши выводы о разнице естественных языков в обозначении смыслосферы власти, проецирующиеся на инвариантность реальности от философии до международных отношений, в данном

⁴ С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.А. Сапронов, К. Шмитт и Ж. Билье.

⁵ Ф. Федье, Т. Ван-Дейк.

⁶ Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма, М. Наим, Г. Киссинджер и С. Переслегин.

⁷ П. Бурдье, И.А. Исаев.

параграфе мы выявили, что существует онтологическая и онтическая разница в синтезе темпоральности и топосности у отечественных и зарубежных мыслителей. Для первых характерно особое внимание к источнику формирования надвременной и внепространственной власти, который обеспечивает ее конкретные пространственно-временные особенности. Для вторых важны динамика перехода, текучесть и диалектика изменчивости от метафизических пластов к предметным формам.

Отметим, что русский вариант религиозного синтеза пространства и времени власти крайне важен для понимания точек столкновения отечественных и западных моделей Pax Yalta. Выявленные точки противоречия: суверенитет и насилие.

В свою очередь, Западный религиозный синтез обозначил угрозу трансформации топоса власти как пустоты или максимально обезличенных формальных связей, что может привести к процедурам расчеловечивания человека. Учет данной угрозы также важен для нашего исследования как момент опредмечивания практик Pax Yalta, стремящихся к лишению человека онтического и онтологического статуса в дискурсе власти.

Анализ текстов М. Хайдеггера обратил наше внимание на важность факта синтеза пространства и времени власти именно в Человеке и его особом состоянии как точки сопряжения времен и пространств. Все это открывает перед нами возможность новой хронотопной интерпретации классических текстов М. Фуко о суверенности субъекта, а хронотопность концепта «власть» в разработках Ф. Федье оправдывает наше внимание к текстовым артефактам как условию создания теоретической модели хронотопного региона власти и его данности как бытия.

Футурология власти позволяет нам проанализировать возможные трансформации эпистемы власти Pax Yalta и четче очертить «ахиллесову пятую» М. Фуко – модус «Будущего» в Хронотопном регионе власти. Однако инвариативность и некоторая смысловая размытость направления ограничивает наши возможности в качестве прогнозов, заставляя наделить их статусом предпосыпочноного знания.

Potentia Hermetica демонстрирует актуальность заявленных нами в первой главе понятий для исследования Хронотопного региона власти в столь сложных и по определению «закрытых» концепциях, как Герменевтические исследования. Анализ литературы подтверждает правильность нашего хода рассуждения о необходимости понятийного разделения эзотерики власти (регион бытования хронотопов) и открытости эмпирики власти (дисциплинарный участок и участок действия).

В третьем параграфе второй главы **«Развитые концепции региона бытования хронотопов власти»** изучаются разнообразные теории о конфигурации диффузии времени и пространства власти. Сгруппированные в этой части диссертационного исследования концепции являются классическими образцами выстраивания региона бытования хронотопов власти как дисциплинарной онтологии.

A. Кожев. Существенным достижением его хронотопной концепции власти выступает тезис о слиянии модусов времени и пространства в бинарную единую реальность: Отец-Прошлое, Господин-Настоящее, Вождь-Будущее, Судья-Вечность. Это позволяет олицетворять ту или иную силу в диалоге Pax Yalta через доминирование в ней интенций к Прошлому (логика отцовства), Настоящему (осуществление Господства), Будущему (реальность Вождизма) или Вечности (позиция Судьи). Анализ концепции Кожева показал, что пространственно-временной модус «Прошлое» есть не просто маркер темпоральной длительности власти, а существенный набор техник и приемов, то же касается иных перечисленных модусов. Следовательно, выявление доминирующего модуса в тактике и стратегии власти той или иной силы является приоритетной задачей в исследовании процедур осуществления Pax Yalta. Данный факт позволяет нам по-новому взглянуть на классические тексты М. Фуко.

M. Фуко. Французский исследователь выделяет определенные хронотопы, стремящиеся к топохронной реализации: пастырь, дипломат войны, полицейский. Каждый из них имеет свою топосность и свою темпоральность власти. При этом формируемые представления о власти у последователей Фуко будут всегда топохронны.

Если применить теоретические конструкты Фуко к реальности Pax Yalta, то это один из возможных вариантов баланса сил правительской рациональности, направленной на поддержание динамики сил. В основе баланса лежит идея множественности, при которой ни одна из сил не сможет превзойти три других. Однако, развивая далее идеи Фуко (учитывая угрозу уклона в топохронность до фукианской эпохи), можно предположить, что новизна Pax Yalta в том, что он предлагает новый хронотоп (или сам выступает таковым), отличный от доминировавшего в XIX и начале XX вв. хронотопа «Полицейский». Это новый хронотоп, оформляющий практики и механизмы, подобные существующим в хронотопе «Пастырь».

Однако налицо также разрыв между топосностью власти в формате Нового Времени и темпоральностью, отсылающей нас к реалиям тактик власти Средних веков. Как результат – разрыв между топосностью и хроносом власти в Pax Yalta, который скрыт от нас идеологическими наслоениями, политической риторикой и иными «шумами власти». Но его возможно выявить, и в первую очередь – в области конкретных тактик власти, которые доступны изучению в нарративном поле, чему будут посвящены заключительные главы диссертационного исследования.

M. Манн. Ученый рассматривает власть как квадриум социальной сети: политическая власть, идеологическая власть, экономическая власть и военная власть. Он конструирует особое хронотопное пространство власти посредством уникальных темпоральных «паттернов» в ее топосе. Манн именует их как «общие паттерны», «скакки власти». В пределах его концепции суть власти Pax Yalta – это хаос сетей власти, которые испытывают воздействие «неоконченного XX века». Pax Yalta – это особый

хронотоп, который стремится аннигилировать глобализацию посредством дезинтеграции времени на автономные очаги национальной памяти.

М. Хазин и С. Щеглов. С точки зрения этих российских исследователей власть выступает в образе пирамиды, которая есть результат самосовершенствования и саморазвития власти как таковой. Каждый из слоев представляет собой самостоятельный хронотоп, но вместе они образуют единое тело-процесс власти, начиная с эпохи первобытных людей и заканчивая нашими днями. Основываясь на этой концепции, можно предположить, что Pax Yalta ознаменовала собой новую трансформацию власти – ее публичную институализацию через открытые и публичные международные организации. Происходит формирование новой базы, которая превратит пирамиду из трех- в четырехступенчатую. Вероятно, речь пойдет о появлении у слоя «Бюрократия» субслоя – транснациональной бюрократии, которая станет базисом для национальной бюрократии.

Четыре представленные выше интерпретации Pax Yalta обладают рядом достоинств и недостатков, но обосновывают необходимость рассмотрения власти с позиций хронотопности. Причем такой хронотопности, которая подвержена специфическим рискам распада: кожевскому «распаду времен», фукольдианскому «новому средневековью», манновской «автономной национальной памяти» и хазинской «транснациональной бюрократии». Созданные нами модели Pax Yalta в рамках каждой из вышеперечисленных концепций тождественны в том, что распад Pax Yalta грозит катастрофическими последствиями. Но вот формат катастрофы и причины распада – инвариантны. Это побуждает нас к системному анализу Pax Yalta с позиций хронотопности, консолидации теоретических наработок о макровласти наших предшественников.

В четвертом параграфе **«Итоги второй главы»** формулируются наиболее существенные для нашего дальнейшего исследования выводы.

Во-первых, топохронный подход крайне ограничен и может работать лишь при наличии устойчивых структур. В то же время одним из его явных достоинств является акцентирование внимания на процедурных моментах (связанных с феноменами «Желание», «Память», «Социальный институт памяти», «Смерть»), при помощи которых «Я» или общественное сознание как таковое способно абсолютизировать время и поглощать нарративы. А это в условиях информационной цивилизации является существенным моментом при изучении современных тактик власти.

Во-вторых, варианты синтеза темпорального и топологического понимания власти однозначно свидетельствуют, что выведенная нами в первой главе гипотеза о разносности смысловых полей власть и power находит свое подтверждение в религиозном и шире – метафизическом дискурсах. Обращение к исследованиям Ф. Федье обосновывает дальнейшее наше внимание к выявленному факту о бинарной оппозиции пространственно-временного понимания власти. Причем данная оппозиция характерна скорее для эмпирики власти (участок действия и участок

дисциплины), она сохраняет необходимость формулирования единого смыслового поля для эзотерики власти (региона бытования хронотопов).

Разнообразные подходы в этом направлении демонстрируют также важность работы с текстами как следами-артефактами власти, с одной стороны, и сосредотачивать внимание на Человеке, как ключевом исследовательском моменте, допуская вторичность строгих социальных структур, – с другой.

В-третьих, определенные перспективы для исследования Pax Yalta открывают тексты Броделя и Валлерстайна. Прежде всего, тексты важны для понимания логики существования альтернативных хронотопов власти и возможности археологического поиска потенциальных хронотопов, так и не оформленных в планетарную систему. Труды Броделя и Валлерстайна заставляют обратить внимание на ситуацию Кайроса как точку бифуркации в развитии планетарной эпистемы или бинарной оппозиции хронотопов.

В-четвертых, подчеркивается, что структуры власти Pax Yalta – текучи, разнообразны, обладают онтической амбивалентностью и чувствительностью к функционирующему образом, символам, эйдосам власти.

В-пятых, выявленная в каждой концепции угроза неизбежной катастрофы при дезинтеграции Pax Yalta требует необходимости интеграции разнообразных авторских видений в единую теорию, причем такую, которая способна объяснить не только истоки и процедуры поддержания Pax Yalta, но и на уровне предпосыльчного знания обозначить контуры его позитивного будущего, что, собственно, и является темой нашего диссертационного исследования.

Третья глава «**Дисциплинарный участок хронотопов власти (исторический нарратив как среда формирования эпистемы Pax Yalta)**» посвящена подробному анализу становления и развития Ялтинского мира. Особое внимание уделяется техникам, которые применялись для развития, и процедурам, посредством которых созданное людьми событие обрело возможность саморазвития, перестав зависеть от людей, и начало подчинять их себе.

В первом параграфе третьей главы «**Советско-российский хронотоп власти "Ялтинский мир" и англо-американский хронотоп Yalta-45**» доказывается, что заявленные в названии параграфа хронотопы власти представляют собой бинарную оппозицию, сосуществующую в пределах дисциплинарного участка региона бытования хронотопов власти. При этом Pax Yalta выступает эпистемой, задающей границы бытования хронотопов и регулирует их взаимодействие. В ее истоке лежит нарративная среда, апеллирующая к феномену памяти, исторической логике конкретной нации и базовым смыслам доминирующего в том или ином хронотопе естественного языка. Иные потенциальные хронотопы власти, например Тегеран-43 или Бреттон-Вуд – 44, попав в поле эпистемы Pax Yalta, так и не обрели статус самостоятельных хронотопов власти, став ее частью на участке дисциплины.

Разбалансировка Pax Yalta происходит на онтологическом уровне, когда в нарративном поле Ялтинская конференция перестает восприниматься как источник настоящего, а признается вневременной топологической точкой, с которой либо надо строить новый мир, либо начинать строительство Ялты-2. В любом случае связь Прошлое-Настоящее ставится под сомнение. Обладание будущим связывается именно с феноменом возврата, но тактики и технологии возврата в современном англо-американском и российском хронотопе разные. Также важным фактом является отождествление личности главы государства с самим государством, что в случае маргинализации действий политика приводит к маргинализации государств и обществ.

Высокое значение нарративного поля, где формируется как эпистема, так и вышеперечисленные угрозы для нее, обосновывает необходимость выведения генеалогии тактик власти именно в нарративной среде как ключевом условии понимания стратегии власти на дисциплинарном участке региона бытования ее хронотопов.

Во втором параграфе третьей главы «**Генеалогия тактик власти в нарративной среде эпистемы "Pax Yalta"**» формулируется вывод, что эпистема Pax Yalta как совокупность специализированных нарративных инструментов создана борьбой советского и западного хронотопов. В силу этого существовать как реальность одного хронотопа, одной конфигурации нарратива – онтически не в состоянии. Само нарративное поле – пассивное пространство овеществления той или иной техники и практики – не рождается ни вместе, ни после эпистемы. В своей предельности оно существует до эпистемы как условие ее появления, но с этого момента нарративное поле изменяется и структурируется, исходя из логики развития того или иного хронотопа, входящих в заявленную эпистему (в нашем случае это логика противостояния западного и советско-российского хронотопов власти).

Западный хронотоп продолжает существовать в своей реальности, созданной еще в 50-е гг. XX века, демонстрируя эффект истории без памяти и активные процедуры укрепления мемориалов забвения неудобных нарративов. Советский хронотоп с крушением Советского Союза, Советского общества, Советской культуры и Советской цивилизации попал в анкерсмитовскую ситуацию перелома, выражющуюся сломом «возвышенного исторического опыта». Следственно, выработанные тактики власти, принципы работы с нарративным полем, сформулированные текстуальные шаблоны, обретшие статус мемориальной очевидности, с неизбежностью подверглись атаке сильного западного хронотопа. Борьба за обладание будущим вступила в новую фазу. Именно изучение процедур, вызывающих дестабилизацию теперь уже советско-российского хронотопа на дисциплинарном участке власти, станет целью следующего параграфа.

В третьем параграфе третьей главы «**Забвение "возвышенного исторического опыта" и дестабилизация хронотопа "Ялтинский мир"**» обосновывается, что зафиксированная дестабилизация данного хронотопа не

означает его сокрушения, исчезновения или иного формата аннигиляции. С 1991 по 2015 гг. разворачивался процесс разбалансировки топоса и хроноса Ялтинского мира, однако процесс создания нового хронотопа, новой точки отчета нового мира находился в зачаточном состоянии. Как результат – была осуществлена и закончена процедура забвения «Возвышенного исторического опыта», но создание нового «Возвышенного исторического опыта» так и не было явственно проявлено.

Признаки начала такой процедуры усматриваются в отдельных технологиях, связанных с качественной и количественной структурой нарративного поля Ялтинский мир. Они свидетельствуют о зарождении топохрона и капсулировании времени Ялтинского мира в топосе «Ялтинская конференция». Ключевая цель – обеспечение восприятия Ялтинского мира как цивилизационно-культурного тупика, нуждающегося в извлечении из исторической событийности цивилизованного процесса.

Эти попытки не дали существенных результатов в плане завершенной системы, подобной советскому или американскому хронотопу. Дестабилизация хронотопа – факт. Но такой же факт – отсутствие топохрона-альтернативы. Фиксируется ситуация затянутой трансформации при системном сбое старых техник и технологий власти хронотопа Ялтинский мир (см. второй параграф настоящей главы) и отсутствие работоспособных процедур, характерных для нового топохронного Ялтинского мира.

Описанная ситуация выступает средой, в которой разворачиваются техники и процедуры власти современности, той действительности, которая характерна на момент написания данной диссертации.

В четвертом параграфе **«Итоги третьей главы»** систематизируются выводы, и в частности подчеркивается, что нарративная среда есть основа Pax Yalta. Развитие эпистемы власти обеспечивается не наукой, а скорее знанием в рамках особой нарративной логики в определении следов прошлого и их языкового определения. Нарратив создает эпистему Pax Yalta, но он же способен ее демонтировать. Акцентируется внимание на тактике по овладеванию наблюдателем, созданные борьбой между советским и западным хронотопами. Однако в этой бинарной оппозиции хронотопов есть существенные нюансы, связанные со смыслосферой власти и ее референта в английском языке.

Столкновение разной смысловой насыщенности понятий « власть » и «power» привело в конечном счете к разным тактикам власти в формировании нарративной среды западного и советского хронотопов. Хронотоп запада – Yalta-45 – был сформирован первым в середине 50-х гг. XX века. Его цель – обоснование и формирование возможной эпистемы международных отношений через отрицание и разрушение «духа Ялты». Данный хронотоп изначально рассматривался этнократично как в смысле доминирования англо-американского национального союза в складывающемся мире, так и в значении «раскачки» властной составляющей

этнических вопросов, обсуждаемых на Ялтинской конференции⁸. Ответ СССР через формирование хронотопа Ялтинский мир привел к тому, что хронотоп Yalta-45 стал не отрицанием «Ялты», расчистившим площадку для возможного Нового порядка, а строительным материалом для эпистемы, состоящей из бинарной оппозиции: Запад – СССР. В логике разворачивания эпистемы Pax Yalta возможные оппозиции альтернативных хронотопов власти формата Tehran-43 – Тегеранский мир, Bretton Woods system – Бреттон-Вуд-44 были либо вытеснены «Ялтинским» нарративом, либо поглощены им. Они выступают существенными историческими фактами с элементами собственной исторической событийности и крайне важны для понимания формирования ряда центральных экономических структур для мир-системного анализа (Броделя – Валлерстайна) или для выяснения исторической логики, приведшей к проведению «нулевого» исторического события – Ялтинской конференции. Однако выделение их в формат развернутых хронотопов власти с соответствующей эпистемой представляется проблематичным в силу так и не осуществленного перехода их структур из действенного участка на участок дисциплинарный.

Начиная с 1991 года (крушения СССР) хронотоп Ялтинский мир вошел в анкерсмитовскую ситуацию «исторической травмы». Произошла дестабилизация нарративного поля и попытка трансформации открытого, длящегося хронотопа Ялтинский мир в закрытый, исключенный из исторической событийности топохрон «Ялтинская конференция 1945 г.». Все это происходило на фоне деструкции эпистемы власти Pax Yalta и деконструкции диспозитива, характерного для постсоветского мира вообще. К 2015 году стали очевидны кризис хронотопа, а также произошедшие серьезные дестабилизирующие изменения в нарративном поле эпистемы, однако создание топохрона фиксируется лишь в его первичной стадии на уровне отдельных техник власти. Ситуацию можно охарактеризовать как незавершенный процесс, остановившуюся трансформацию, «становящееся», так и не обретшее качества «ставшего». Все это характерные моменты реальности, начиная с 2015 года по настоящее время.

Доказывается, что для выявления дальнейших изменений и вычленения наиболее вероятных тенденций Pax Yalta будет уместно рассмотреть хронотоп власти Ялтинский мир с позиции трехуровневого исторического события. Теоретические основы последнего были подробно рассмотрены в первом параграфе первой главы.

Четвертая глава «**Действенный участок хронотопа власти (слои исторического события "Ялтинский мир")**» посвящена археологии участка, принадлежащего региону бытования хронотопов власти в модусе эпистемы Pax Yalta. Участок действия есть практика исторического события власти, который эпистема связывает с участком дисциплины (см.

⁸ Подробнее о термине «этнократия» в социально-философском прочтении см.: Шевченко О.К. Этнократия в условиях межэтнического пограничья (стратегии понимания «русинского вопроса» в западных исследованиях XXI в.) // Вопросы истории. 2020. № 4. С. 52–60.

предыдущую главу). Анализируются три слоя исторического события, каждый из которых насыщен строго очерченными элементами.

В первом параграфе четвертой главы «**Событие-факт**» рассматривается базис археологии власти как аналог «нулевого события» в слое исторического события оформленного системой артефактов: аутентичных, рамочных и артефактов с частичной репрезентацией. Артефакты выступают как чистая эмпирика, эмпирика для себя, но при этом подвергаются активной эксплуатации, искажению на иных, высших слоях исторического события власти. Сохраняя свою самость, артефакты не создают и не задают структуру исторического события, не формируют вектор власти, а лишь присутствуют в нем. Они сами по себе не подвержены искажению, но их наличие (или отсутствие) служит аргументом для формирования хронотопа и составления конструкций эпистемы власти. Наименее подвержены искажению аутентичные артефакты. Наиболее – артефакты с частичной репрезентацией. Однако первые менее информативны и наименее открыты опрошателю, тогда как вторые наиболее доступны техникам репрезентации, метафорирования и всему тому, что позволяет существовать нарративному полю.

Хронотоп Ялтинский мир, находясь в полосе дестабилизации, испытывая на себе самые серьезные процедуры забвения, может восстановить себя, только опираясь на новые артефакты. Старые слишком сильно и часто подвергались нарратизации, чтобы могли служить основой для новой тактики хронотопа. И хотя артефакты не подвержены искажению в своей самости и могут быть очищены от наслоений нарратива, их восстановление в рамках хронотопа требует слишком больших усилий и выдвигает весьма высокие качественные требования к нарраторам и наблюдателям.

Начиная с 2015 года, создаются новые большие группы артефактов, работа с которыми способна сформировать новый вариант хронотопа власти – Ялтинский мир. Основные усилия сосредоточены в области «Артефактов с частичной репрезентацией». В стратегическом плане в речах политиков и публицистов формулируется новая концепция хронотопа власти Ялтинский мир, которая смещает ядро хронотопа с события Ялтинской конференции, как точки развертывания нового мира, на Ялтинский мир как таковой. В этом случае мы получаем растянутую в диапазоне 1945–2015 гг. точку «Ялта – 1.0». Она служит не только точкой, но единым событием, Событием-фактом, ставшим началом большого события, которое должно достигнуть степени «ставшего» в формате Ялта-2.0. В этом случае Ялтинская конференция – всего лишь один из ситуативных моментов новой исторической точки, рубежа прошлого и настоящего. Многочисленный вброс «Артефактов с частичной репрезентацией», посвященных Ялтинской конференции, должен предоставить «чистую» эмпирику для разворачивания и обоснования этой стратегии. Их обработка: метафорирование, репрезентация и т. п. – должна дать новое наполнение для высших слоев исторического события (События-деятельности и События-действительности).

Однако обозначенная выше работа не фиксируется, что говорит о том, что мы находимся в положении смены хронотопа, процедур инфильтрации пакетов информации между участком действия и дисциплинарным участком региона бытования хронотопов власти.

Эта уникальная ситуация предоставляет исследователю (и с известными оговорками – наблюдателю) возможность изучать техники, процедуры и стратегии власти без серьезных маскировочных покровов. На недолгий срок становятся открытыми механизмы формирования сетей власти, структурирования властных полей и точек столкновения дискурсов.

Второй параграф четвертой главы «**Событие-деятельность**» наглядно демонстрирует разрыв между слоями Событие-факт и Событие-действительность, что в свою очередь, усиливает дестабилизационные процессы в хронотопе посредством истончения нарративного поля и стимулирования процедур забвения. Серьезные попытки на слое События-действительности призвать к формированию хронотопа Ялта-2.0 не удаются из-за пассивности и выпадения слоя События-действия из структуры исторического события Ялтинский мир. Внешние и отчасти внутренние события, связанные с распадом советского хронотопа и кризисом эпистемы власти Pax Yalta, подкрепляются и усиливаются застывшими в 70-х гг. XX века элементами События-действия. На уровне События-факта намечены определенные изменения, но они могут перейти в концептуальную, образную, метафорическую, репрезентативную форму нарративного поля исключительно через переработку на уровне слоя действия. Метафорирование и репрезентация предполагают уже наличие обработанных пакетов информации, которые, однако, застывают в полуисконструированном виде в слое Событие-деятельность, не попадая на участок дисциплины.

Элемент «Мемуары» как специфическая техника власти в области «политики памяти» получает частичное развитие исключительно в сегментах «Секретчики» и «Обслуживающий персонал». Элемент «Музеи» находится в глубоком кризисе и информационно-интеллектуальной апатии, полностью поддерживаемой низовыми звеньями государственной бюрократии. Элемент «Сборники документов» получает частичное развитие только в сегменте «Организационно-техническая документация». Наиболее важные для Ялтинского мира военно-политические и дипломатические сегменты развития не получают. А в тех сегментах, где видны изменения и развитие, они никоим образом не оформляются в приемлемый продукт – в информационный системный продукт, создаваемый для его переплавки в нарративное поле нового хронотопа.

В третьем параграфе четвертой главы «**Событие-действительность**» обосновывается тезис, что ныне в слое исторического события «Действительность» не существует функционирующей сетки хронотопа власти Ялтинский мир. Мы можем зафиксировать отдельные элементы «замороженного» советского хронотопа в ряде лозунгов и метафор. Наличествуют два вектора на возможные формы пространственно-

временного воплощения власти. Основанный на остаточных явлениях от советского хронотопа и фундаменте инфильтрованного нарративного материала запада вектор на топохрон Ялтинский мир нацелен на формирование ситуативного восприятия линейки времени исключительно в формате «Здесь» и «Сейчас». Подгоняя под требования текущего топоса хронос прошлого и настоящего, он полностью ликвидирует будущее. Топохрон своим логическим завершением аннулирует Ялтинский мир как факт реальности во всем диапазоне его проявлений. Апеллируя к «смерти» и «оптике тела», он создает условия для самоуничтожения топохрона власти и трансформации Западного хронотопа в моносистему, ликвидируя бинарную оппозицию эпистемы Pax Yalta. Это не может, в свою очередь, не привести к масштабным потрясениям в области дипломатии и международной политики. В прошлом уничтожение альтернатив и оппозиций в эпистемах власти на уровне международных отношений всегда приводило к глобальным войнам и человеческим жертвам.

Однако в настоящий момент топохрон не сформирован. Речь идет исключительно о реальности развития вектора на его институализацию и оформление. Своего пика он достиг в 90-е гг. XX века, и как минимум с 2015 года начала оформляться альтернатива топохронному вектору. Имеется в виду вектор, основанный на отдельных элементах советского хронотопа, вектор на хронотоп Ялтинский мир. Или, как его иногда называют: Вторая Ялта, Ялтинский мир-2, Ялта 2.0.

Формирование вектора на хронотоп власти «Ялтинский мир-2» активно пролонгируется в слое исторического события «Действительность». В рамках этого слоя он развивается системно и масштабно, проникая во все его элементы. Вместе с тем говорить о формировании хронотопа мы все-таки не можем, ибо нет понимания и системной работы по связыванию воедино всех трех слоев исторического события. Отсутствует понимание и структурно организованная работа по насыщению нарративного поля информационными продуктами слоя «Действительность». Не оформлены каналы передачи информации, не обеспечено прохождение сигналов-заказов из слоя «Действительность» в слой «Действительность». Производство метафор для нарративного поля – в зачаточном состоянии и не стимулируется ни одним из возможных методов (например, через коммерческий заказ для экскурсионных маршрутов, широкого круга туристических объектов и т. п.)⁹. Аналогичная ситуация складывается в редких, ситуативных случаях, когда предлагается альтернатива Ялтинскому миру через обращение к Тегерану-43 или Хельсинки-75. Последние хорошо фиксируются в качестве следов участка действия, имеют широкую и разнообразную линейку корпуса артефактов; они заметны на слое событие-деятельность, но уже практически исчезают на слое-действительности и не попадают как самостоятельные информационные единицы на участок дисциплины. А значит, их потенциал в

⁹ Шевченко О.К. События Ялтинской конференции 1945 г. как туристический ресурс для автобусных экскурсий по Крыму // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. Т. 9, № 1. С. 27–34.

качестве свежих альтернативных хронотопов власти, которые может предложить миру Российская сторона, так и не реализуется.

В таких условиях мы фиксируем хрупкий баланс между вектором на топохрон и вектором на хронотоп при тотальной эксплуатации отдельных элементов советского хронотопа. Этим, с нашей точки зрения, во многом объясняется провал заявки во внешнеполитических усилиях лидеров РФ на обладание прошлым, доминирование в проектировании будущего. Степень убедительности, достаточная для некоторой части населения России (желаемое!), при отсутствии значимого и полноценного хронотопа совершенно недостаточна для иностранных потребителей нарратива. Последние ощущают массовое воздействие исключительно западного нарратива и фиксируют отдельные попытки противопоставить ему некоторые элементы советского хронотопа.

В четвертом параграфе **«Итоги четвертой главы»** резюмируются важнейшие выводы, в частности наиглавнейший из них о наличии разрыва между событийными слоями. Данный разрыв усиливает дестабилизационные процессы в хронотопе посредством истончения нарративного поля и стимулирования процедур забвения. Масштабные попытки в слое Событие-действительность сформировать стратегию создания хронотопа Ялта 2.0 нивелируются выпадением слоя Событие-действие из структуры исторического события Ялтинский мир. Те позитивные изменения, которые в слое Событие-факт способны укрепить стратегию События-действительности, должны быть обеспечены активностью экспертов слоя «Деятельность», но таковая не фиксируется. Также отсутствует целенаправленная работа по формированию российских альтернатив Ялтинскому миру на основе иных структур, которые потенциально могут выступить в качестве его аналога (Тегеранский мир, Хельсинский мир и т. п.).

В результате фиксируется отсутствие в современной модели цельного хронотопа власти Ялтинский мир и наличие двух противоположных векторов внутри его оболочки. Первый нацелен на топохронизацию власти, второй – на хронотопность власти. Первый, заняв доминирующие позиции на слое «Деятельность», приводит к «Смерти Ялты». Второй, заняв доминирующее положение на слое «Действительность», так и не оформился в хронотоп, имитируя его и вызывая чувство недоверия со стороны западных потребителей нарратива. Тем самым смычка между слоем «Действительность» и эпистемой власти, обеспечивающая формирование нарративного поля и создание полноценного участка дисциплинарной онтологии, прекратила свое существование.

Подобная дестабилизация грозит изменением бинарности эпистемы власти Pax Yalta на моноструктуру, а подобное, как показывает опыт, не раз приводило к глобальным военным конфликтам и масштабным политico-экономическим катастрофам. Отсутствие альтернатив Ялтинскому миру

лишает российскую сторону гибкости в мировой игре за обладание реальностью-прошлым, реальностью-настоящим и реальностью-будущим.

В **заключении** автор приводит беглый обзор полученных результатов, формулирует сгенерированные в четырех главах выводы и аргументирует необходимость дальнейшего развития заявленных проблемных полей. Подчеркивается, что предложенная работа лишь начало исследования целого спектра поднятых проблем, и хотя отдельные вопросы, заявленные в диссертации, имеют долгую историю разработок, для анализа системообразующего события макровласти XX века они применяются впервые. Следовательно, в настоящем тексте такие проблемы и вопросы не могут получить исчерпывающего гносеологического или эпистемологического решения.

Ключевым результатом диссертационного исследования явился вывод о том, что процедуры распада и процесс дестабилизации хронотопа Ялтинский мир технически могут быть остановлены. Достаточно восстановить конструкты обмена информацией и принципов ее пакетирования, характерные для 70-х гг. XX века. Но эти его структуры возможно инкорпорировать исключительно в идеологические штампы нескольких политических образований. Иными словами, если ранее хронотоп Ялтинский мир задавал горизонты для значительной части населения Европы и Азии, имел существенное значение для мировоззрения многочисленной «левой», либерально-демократической интеллигенции Западной Европы и США, то в новых условиях он может быть значимым лишь для небольшого количества государств. Всеобщим, планетарным или хотя бы общеевропейским или паназиатским такой хронотоп уже стать не сможет, а значит, в условиях широчайшей международной интеграции XXI века он малопродуктивен. Вместе с тем возврат к многовековой системе, когда в рамках макровласти международных отношений наличествовало абсолютное доминирование одного хронотопа, – это откат к реалиям XVIII–XIX вв., возвращение в эпоху моноэпистемы власти, которую насильственно распространяют по миру ее носители. Такой вариант также ущербен и, как представляется, ведет к глобальной войне.

В условиях консцентрической войны возможным видится иной путь. Это не создание репликантов прошлого, а настойчивое и волевое формирование позитивного варианта будущего. Например, создание нарратива, который вмещал бы в себя не только горизонты хронотопа власти Yalta-45 и хронотопа Ялтинский мир, но и смыслы Тегерана-43, Бреттон-Вуда – 44, Хельсинки-75 и др. Вмещал, но не взаимно аннигилировал (как это происходило и происходит при функционировании вышеописанной бинарной оппозиции внутри эпистемы Pax Yalta). Имеется в виду формирование некоего метанарратива, формата архинарратива, что неизбежно приведет не к созданию «иного Ялтинского мира» (или Нового Бреттон-Вуда), а к реализации на основе Pax Yalta новой эпистемы власти «Большой мир».

Этот предполагаемый мета/архинарратив должен быть построен на основании принципов диалога, процедуры, отсутствия единоначалия и многополярности. Для этого имеется достаточно прочная фактологическая почва и важные для любого нарратива примеры прошлого. Речь идет о точке на многомерной шкале исторических процессов (Ялтинская конференция февраля 1945 года), в которой сходится множество векторов прошлого, и формируется инвариативность контуров будущего. Это точка, маркером которой и стали вышеуказанные принципы. Они явились не просто теоретическими пожеланиями или романтическими ожиданиями, а нормой повседневной практики в процедурах макровласти. Ненадолго. Но слепок точки трансформировался в историческое событие, след которого для нас виден, он в оптике любого текста, связанного с Pax Yalta.

Создание мета/архинарратива не создает новый хронотоп власти. Его формирование не отменяет существующих участков региона бытования, но этот мета/архинарратив предлагает возможность состязания за влияние в будущем (англо-саксонский пространственно-временной горизонт власти), и одновременно определяет чаяния обладания прошлым (русские горизонты власти).

Теоретически это формат фергюсоновского сетевого принципа, триумф которого он выявил в социальных структурах, в том числе в международных отношениях. Мы соглашаемся с его выводом, что сетевой принцип – это конструкт прошлых эпох, когда он уверенно фиксируется в разнообразных форматах, это наше настоящее, когда он занимает значительную часть в социальных структурах, и это наше завтрашнее, которое пройдет под знаком доминирования сети. Именно сетевой принцип, по нашему мнению, может трансформировать бинарную оппозицию хронотопов власти в два принципиально разных по форме, но единых в своей сущности узла взаимосвязанной сети макровласти нашего мира. Мира как пространства, мира как состояния безопасности, мира как качественной временной единицы.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ АВТОРА:

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для опубликования основных результатов диссертационных исследований на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук:

1. Шевченко О.К. Роль интеллигенции в становлении авторитета власти // Ученые записки ТНУ. Сер. Философия. Социология. – 2008. – Т. 21, № 3. – С. 95–100.

2. Шевченко О.К. Философское освоение власти в Античности и Средневековье // Ученые записки ТНУ. Сер. Философия. Социология. – 2008.

- Т. 21, № 4. – С. 447–450.
3. Шевченко О.К. Европеец на распутье // Ученые записки ТНУ. Сер. Философия. Социология. – 2008. – Т. 21, № 1. – С. 410–417.
4. Шевченко О.К. Миф как форма освоения власти // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 162. – С. 166–168.
5. Шевченко О.К. «Польский вопрос» на Крымской конференции 1945 г. (по материалам диссертационного фонда РГБ) // Культура народов Причерноморья. – 2012. – № 243. – С. 100–104.
6. Шевченко О.К. «Пястовы Земли» (середины XX – начала XXI вв.) и «Ялтинские договоренности» с позиций польской историографии. – Текст: электронный // Таврійські студії. – 2012. – № 2. – URL: <http://kukiit.ru/docs/ts/no2/7.pdf> (дата обращения: 22.03.2021).
7. Шевченко О.К. Историография Крымской конференции 1945 г. в Интернет-пространстве. – Текст: электронный // Таврійські студії. – 2012. – № 3. – URL: <http://kukiit.ru/docs/ts/no3/5.pdf> (дата обращения: 22.03.2021).
8. Шевченко О.К. Количественный метод в историографии: к вопросу о двух «ливадийских» симпозиумах 1995 и 2000 гг., посвященных Ялтинской конференции. – Текст: электронный // Таврійські студії. – 2013. – № 5. – URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/49622264/> (дата обращения: 22.03.2021).
9. Шевченко О.К. Современная российская германистика о Крымской конференции 1945 г. // Культура народов Причерноморья. – 2013. – № 253. – С. 128–132.
10. Шевченко О.К. 1945–1974 гг. как период формирования советской историографии Ялтинской конференции // Культура народов Причерноморья. – 2013. – № 254. – С. 174–177.
11. Шевченко О.К. Ялтинская конференция 1945 г.: в гносеологическом поле философии // Культура народов Причерноморья. – 2013. – № 259. – С. 195–199.
12. Шевченко О.К. Расцвет советской историографии Ялтинской конференции в 1975–1987 гг. // Культура народов Причерноморья. – 2013. – № 257. – С. 115–120.
13. Шевченко О.К. Кримська (Ялтинська) конференція в Української історіографії 1991–2013 рр.: аналітичний огляд // Історичні записки: збірник наукових праць. – 2013. – Вип. 39. – С. 214–222.
14. Шевченко О.К. Ресурси наукового архіву Лівадійського палацу-музею і Кримська конференція 1945 року: історіографічна розвідка // Вісник Львівського університету. Серія міжнародні відносини. – 2013. – Вип. 33. – С. 47–54.
15. Шевченко О.К. Тематика «Ялта-45» в Крымской публицистике 1945–1990 гг. как историографическая проблема // Культура народов Причерноморья. – 2014. – № 267. – С. 142–147.
16. Шевченко О.К. Этические вопросы Крымской конференции 1945 г. с точки зрения философии истории // Культура народов Причерноморья. –

2014. – № 274. – С. 95–97.

17. Шевченко О.К. Клиометрия и Ялтинская конференция 1945 г. (к вопросу о методологии философии истории) // Культура народов Причерноморья. – 2014. – № 275. – С. 191–194.

18. Шевченко О.К. События Ялтинской конференции 1945 г. как туристический ресурс для автобусных экскурсий по Крыму // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2015. – Т. 9, № 1. – С. 27–34.

19. Шевченко О.К. К вопросу о базовых параметрах квантизированной историографии Ялтинской конференции 1991–2014 гг. // Гуманитарные науки / Крым. федер. ун-т им. В.И. Вернадского. – 2015. – № 2. – С. 81–88.

20. Шевченко О.К. Источниковедение Крымской конференции 1945 г.: к вопросу о научной этике // Дискурс-Пи. – 2016. – Т. 13, № 1. – С. 36–42.

21. Шевченко О.К. Феномены «Киборг» и «Власть» в вузовской образовательной коммуникации // Дискурс-Пи. – 2018. – № 1. – С. 83–88.

Публикации в иных изданиях

В журналах, индексирующихся в международных базах данных научного цитирования «Web of Science» и/или «Scopus»:

1. Шевченко О.К. Историческая судьба Русинов и вопрос об ООН на Крымской конференции 1945 г. (к вопросу об исторической методологии) // Русин. – 2015. – № 2. – С. 174–188.

2. Шевченко О.К. Археология власти: Восточная Галичина в этнических дискурсах Ялтинской конференции // Русин. – 2015. – № 4. – С. 168–184.

3. Шевченко О.К. Крымская (Ялтинская) конференция 1945 г.: к вопросу о создании единого реестра источников // Вестник архивиста. – 2015. – № 2. – С. 43–58.

4. Шевченко О.К. Публикация источников по Ялте-45: квантизированный анализ печатных материалов Российской Федерации и Украины в 1991–2014 гг. // Вестник архивиста. – 2015. – № 4. – С. 142–153.

5. Шевченко О.К. Зарубежные архивы по Ялтинской конференции в интернет-пространстве. к вопросу о теории «власти коммуникации»: «The National Archives (TNA)» (Великобритания) // Вестник архивиста. – 2018. – № 3. – С. 750–760.

6. Шевченко О.К. Методологические перспективы исследования понятия «власть» в русском цивилизационном пространстве // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 435. – С. 75–83.

7. Шевченко О.К. Этнократия в условиях межэтнического пограничья (стратегии понимания «русинского вопроса» в западных исследованиях XXI в.) // Вопросы истории. – 2020. – № 4. – С. 52–60.

Монографии:

1. Шевченко О.К. Триумф власти (советская историософия Ялтинской конференции). – Брянск: ЦИОГНИС, 2018. – 238 с.
2. Шевченко О.К. Сокрушающая державы (миссия философии власти в середине XXI века). – СПб.: ИС, 2020. – 256 с.

Научные статьи:

1. Шевченко О.К. «Польский дискурс» в текстуальном пространстве власти Ялтинской конференции 1945 года. – Текст: электронный // Альманах «Пространство и время»: электрон. науч. изд. – 2015. – Т. 10, № 1. – С. 35. – URL: http://www.j-spacetime.com/actual%20content/t10v1/2227-9490e-aprov_r_east10-1.2015.95.php (дата обращения: 22.03.2021).
2. Шевченко О.К. «Ялтинские субуниверсалии» как пространство дискурса власти: постановка проблемы // Пространство и Время. – 2015. – № 3. – С. 193–197.
3. Шевченко О.К. Ялтинский дискурс власти (к 70-летию Крымской конференции 1945 г.) // Actualscience. – 2015. – Т. 1, № 2. – С. 85–87.
4. Шевченко О.К. «Япония» и «Польша» как точки дискурсов Крымской конференции 1945 г. (к вопросу о гносеологических возможностях философии власти) // Югра, Сибирь, Россия: политические, экономические, социокультурные аспекты прошлого и настоящего: сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. Л.В. Алексеевой. – Нижневартовск, 2016. – С. 204–209.
5. Shevchenko O.K. The Yalta conference and the philosophy of power: a reflection of historical events in the political constructs of our time // Black Sea Scientific Journal of Academic Research. – 2018. – Vol. 41, Issue 3. – P. 17–20.
6. Shevchenko O.K. Question about the Ethics of Yalta Agreements in 1945. Archaeology of Power in Historiographical Discourses // Conatus – Journal of Philosophy. – 2019. – Vol. 4, № 1. – P. 99–108.
7. Шевченко О.К. Топохрон власти и новый рациональный Мировой порядок: прикладная рациональность будущего в текстах Ф. Фукуямы и Ю. Хабермаса // Человек – Культура – Социум в начале XXI века: сб. науч. статей по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. Т.П. Разбеглова. – Симферополь, 2020. – С. 212–217.
8. Шевченко О.К. Хронотоп власти // Философия в полицентричном мире: VIII Российский философский конгресс. – М., 2020. – С. 1531–1534.